

Иосиф Келлер

ВСТРЕЧИ
РЕПЕТИЦИИ
СЕМИЭТАЖКИ

Хорошо помню тех из них, с кем наиболее часто встречался во время антрактов в тесном фойе старого театрального здания, на заседаниях художественного совета театра, собраниях, конференциях и просто на улицах города, где завязывались долгие разговоры и дискуссии. Профессоров-медиков Б. Богословского, С. Минкина, А. Сангайло, Н. Лебедевского, А. Финеллонова, ректора университета Р. Мерцлина, журналистов Б. Назаровского, С. Гинца и М. Моценка, искусствоведов Н. Серебрянникова, В. Будрина, директора местного издательства Л. Римскую.

Это были отличные специалисты избранной ими профессии, каждый со своим вкусом, умением остро, но неизменно корректно возражать «противникам», не только преданные оперному искусству и понимающие его непреходящую ценность, но и пропагандисты, увлекательно разъяснявшие, особенно молодежи, в чем сущность и прелесть оперы, тем самым «вербуя» новых посетителей.

Коллектив пермского театра, когда я начал в нем работать, был, как и в любом другом театре, неоднороден по квалификации, профессионализму, степени одаренности и природных данных творческих кадров. Но с первых дней «свежим глазом» я заметил своеобразие обстановки, сложившейся в театре. Мало замечалось бытующего за кулисами вульгарного панибратства и фамильярно-неуважительного обращения друг к другу, когда теряется должное уважение к старшим товарищам, молодых работников к старым. За редким исключением случалась и другая крайность — премьерство и кичливое зазнайство. Чувствовался хороший дух доброжелательства ко вновь вступающим в коллектив.

Естественно, захотелось понять причины, создавшие такой благоприятный «климат» в театре.

Значительная часть творческого состава, сформированного в 1944 году, — питомцы Московской, Ленинградской и Свердловской консерваторий, а в балете — Ленинградского хореографического училища. Беспокойная, жадная до работы, молодежь вносила в повседневность театра веселую студенческую непринужденность, еще сохранявшую «иммунитет» к существующим в театральной среде «пережиткам прошлого».

Причина первая. А вторая — «Семиэтажка»!

Да, «Семиэтажка»!.. С ней связана памятная часть моей театральной жизни. На ее двух этажах — шестом и седьмом — жило большинство работников театра и его руководство. Некоторые из них — четыре, пять лет.

Позади остались тяжелые испытания военных лет. И при всех неудобствах гостиничного быта «Семиэтажка» казалась комфортабельной. С утра ее театральные этажи напоминали консерваторское общежитие. Сперва, точно соревнуясь, возникали звуки различных инструментов. Это музыканты готовились к репетиции.

Позднее в «домашнюю симфонию» включались певцы, звучали вокализы, арии из опер. Гостиничные жильцы, конечно, протестовали, слыша такое многоголосье.

Нам самим, пока не попривыкли, было нелегко. Но вот приближался час начала дневной работы — уроков, спевок, репетиций. На этажах наступала благословенная тишина. Приходило время приготовления обедов. Коридоры наполнялись ароматами блюд, сочиняемыми изобретательными хозяйками из скудного пайка, полученного в театральной распределителе.

После дневной работы возникало недолгое оживление, сменявшееся «мертвым» часом — набирались сил перед спектаклем. Но после его окончания на театральных этажах начиналось самое странное...

Вместо того, чтобы «на ночь глядя», после напряженной работы, усталым поскорее лечь «на боковую», происходило обратное — ходили из номера в номер, в том числе и я, пообщаться, поделиться новостями, посоветоваться о своем личном, а порой, что греха таить, и немножко посплетничать.

В номере, где жила режиссер Е. Ф. Минакова, как-то само собой возникло, пользуясь терпеливым гостеприимством хозяйки, подобие дискуссионного клуба. Горячие споры начинались разговорами о готовящейся премьере новой оперы Вано Мурадели «Великая дружба», второй после «Севастопольцев» работы театра над советским спектаклем. Ставил его тот же Е. Соковнин, режиссер Большого театра.

Постепенно разговоры переходили на проблемную, волнующую всех тему о дальнейших путях развития оперного искусства и, особенно, советской оперы. В закипавших бурных спорах «возрастные» и «служебные» разграничения отсутствовали. Регламента выступлений не существовало. Не было запрета на курения, тем более, что сама хозяйка, милая Евгения Федоровна, «дымила» больше всех!

Особенно аргументированно, с тонкой иронией и подчеркнутой «вежливостью» громил противников современной музыки молодой дирижер И. Гольдберг, отлично знающий и умеющий эрудированно раскрыть ее достоинства.

Молодежь часто устраивала коллективные ужины, приглашая и нас, руководителей. Приносили кто что может. В меню — традиционный винегрет. Сервировка скромная, но веселья много. Игры, шутки. Не обходилось и без розыгрышей. «Жертвы», как правило, не обижались, стараясь отплатить той же монетой.

Среди заводил выделялись артисты В. Акимов, бывший геолог, питомец Свердловской консерватории, и ведущая балерина А. Кокурина. Оба знали цену остроумным выдумкам.

Один из таких розыгрышей, обрстая позже разными деталями, стал чем-то вроде легенды. О том, как все происходило на самом деле, рассказывала сама Анастасия Николаевна:

— Приехав в Пермь осенью 1945 года, как и все, жила в «Семиэтажке». Номер на седьмом этаже. Обстановка «шикарная»: старая кровать, висячее, затуманенное зеркало, на окне — гардины с «бомбочками». И это после московской квартиры! Но полная творческих планов, на обстановку не обращала внимания. Главное — работа!

Вскоре в Перми началась выездная конференция Академии наук СССР. Ее участники — крупнейшие ученые — жили в той же «Семиэтажке». После вечерних репетиций или спектаклей ко мне в номер заходили друзья. Веселились, хоть и было пусто в желудках.

В тот памятный вечер на «огонек» зашел мой партнер Андрюша Бабакин. Первые его слова: «Внизу в ресторане ужинают академики! Умереть можно от одних запахов!».

И тут меня «осеняет». Звоню по внутреннему телефону дежурному администратору:

— Говорит прима-балерина Кокурина. Ко мне в гости зашел академик из Рио-де-Жанейро, знакомый еще по Москве. А угостить нечем. Получается весьма неудобно. А спуститься в ресторан он не хочет. Нельзя ли что-нибудь придумать?

Администратор успокоил:

— Дело поправимое. Сейчас пришлю официанта принять заказ!

Признаюсь, не ожидала такого поворота. Но отступить поздно.

Но кого же из нас сделать «академиком»? Выбор пал на Андрюшу. Он недавно приехал, в гостинице его еще мало знают, а кожаная, светло-желтого цвета куртка выглядит вполне загранично. Для большей солидности надеваем на него бутафорскую «золотую» цепь Зигфрида из «Лебединого озера».

Когда появилась официантка, я, владея английским языком, спросила «академика», что он желает заказать. «Академик» произнес на тарабарском языке длинную фразу, тут же мною «переведенную»: ужин на всех и, если можно, вина или шампанского в честь встречи друзей.